

УДК 625.71(474.5+571.1)“1980/1990”  
doi 10.17072/2219-3111-2019-3-34-48

## «МАЛАЯ ЛИТВА» ПОСРЕДИ БОЛЬШИХ ТЮМЕНСКИХ БОЛОТ: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ, ПАМЯТЬ, НАСЛЕДИЕ

**В. П. Клюева**

Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, Институт проблем освоения Севера,  
625026, Тюмень, Малыгина, 86  
vortmpk@gmail.com

**Р. Чепайтене**

Институт Истории Литвы,  
Литва, Вильнюс, Кражю, 5  
geokdepe@gmail.com

Рассматривается участие и память об участии литовских трудовых мигрантов (дорожников и строителей) в освоении Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1980-х – середине 1990-х гг. В основе исследования лежит кейс, посвященный истории Дорожно-строительного управления, организованного Министерством автомобильного и шоссейного транспорта Литовского ССР специально для создания дорожной и жилой инфраструктуры в г. Когалыме (Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ–Югра). Источниками для написания статьи послужили эгодокументы (личные архивы, опубликованные воспоминания и интервью участников событий), дополненные материалами СМИ. В исследовании используется методология, базирующаяся на теории коллективной памяти Я. Ассмана. Главными темами, актуализирующими память, были инаковость и разность культур, снабжение, строительство и благоустройство. Делается вывод о том, что в литовском и российском сообществах память сохраняется прежде всего на узколокальном уровне, среди тех, кто был очевидцем и непосредственным участником событий. Можно говорить о разрыве в передаче памяти, когда трансляция событий следующим поколениям не происходит или происходит частично. Причины этого могут находиться в политических и социально-культурных дискурсах. Можно также утверждать, что анализируемый кейс служит примером «парадокса памяти», связанного с тем, что, будучи нетравматичной по содержанию, память о жизни в северном городе в позднесоветское время почти не воспроизводится в публичном дискурсе, а следовательно, оказывается подверженной забвению. Не имея поддержки в публичном пространстве, такая память уходит и из семейного, внутреннего круга.

*Ключевые слова:* трудовая миграция, культурная и коммуникативная память, урбанистика, Литва, Тюменский Север, Когалым.

*Зарос когалымский песок  
живительной литовской травой.  
Пробежало четыре уж года.  
Вырос город над тайгой.  
Мы проведем тут широкую дорогу.  
И скоро вернемся назад.  
Дома, вспомнив строительство,  
может, чуть-чуть вздохнем,  
А тут оставим на память  
частичку своей Литвы.*

(Г. Боймиструк, перевод Р. Чепайтене)<sup>1</sup>

Материальные и символические следы трудовых миграций в контексте советской модернизации, сохраняющиеся в ландшафте современной России и объединяющие таким образом ныне независимые страны постсоветского ареала, сами по себе достойны глубокого анализа, который по ряду обстоятельств превращается в настоящий транскультурный и транснациональный детектив.

При их изучении важно найти точку отсчета, которая позволит «раскрутить» подобного рода исследования. В нашем случае отсчет начинается в Когалыме (Россия, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра). На карте города можно увидеть названия, отсылающие к Прибалтике. Что же связывает далекий северный город с Каунасом, Вильнюсом, Ригой, Таллином? Ответ лежит на поверхности – эти названия напоминают о людях, приезжавших осваивать Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. Добавим, что подобные урбанонимы можно найти во многих городах Тюменского Севера, например, в Нягани есть улицы Ташкентская, Киевская и Молдавская, а в Лянторе – улица Эстонских дорожников.

Существование названий наводит на мысль о потребности сохранения памяти и наследия периода строительства северного города в контексте реализации советской доктрины «дружбы народов». Материальные отсылки к истории города, сохраняющиеся в современной публичной памяти Когалыма, связываются местными жителями с первыми строителями, но информация о них отрывочная. Даже современные обитатели Прибалтийского поселка не могут сказать, почему он так называется. Причин забвения может быть несколько. Одна из вероятных причин – частая смена населения в городе и отсутствие передачи знаний об истории города. Существующее в городе общество «Первопроходцы Когалыма» пытается отстоять свое право на память о тех, кто поставил первые палатки в 1976 г., но те, кто приехал строить сам город и дороги, остаются фигурами умолчания. О другой причине, связанной со сменой этапов развития города, мы упомянем в дальнейшем.

Сибирская тема в современной политике памяти прибалтийских стран ограничивается акцентированием коллективной травмы сталинских репрессий и ГУЛАГа [Чепайтене, 2013, с. 241–246], а об участии «прибалтов»<sup>2</sup> в трудовых миграциях послесталинского периода мало известно даже историкам. В основном следы памяти сохраняют участники и свидетели событий, но она тоже фрагментарна и никоим образом не актуализирована в публичном и научном дискурсе. Поэтому мы обращаемся к «Когалымскому проекту» как интересному случаю позднесоветских трудовых миграций и северной урбанизации, акцентируя участие литовской стороны в строительстве города. Наш первичный замысел – детально исследовать прибалтийскую тему трудовых миграций на Тюменский Север в позднесоветский период – пока вынужден ограничиться лишь литовской стороной. К сожалению, нам не удалось найти латвийских и эстонских респондентов-свидетелей событий. Литовские дорожники и строители составляли бóльшую долю прибалтийских трудовых мигрантов на Тюменском Севере, поэтому изучение их может позволить определить общую тенденцию «освоения» инфраструктуры.

Нам важно не только проанализировать основные моменты и особенности социально-экономической истории трудовых миграций, но и выявить *образы инаковости*, сложившиеся в среде северян и прибалтийских строителей, а также выяснить, какие формы репрезентации сохранились в публикациях того периода и в нынешней памяти наших респондентов. Нас особенно интересует, какие практики и нормы воспринимались как «экзотика» и попадали в поле внимания, а что осталось вне как обычное, обыденное и «неинтересное», возможно, из-за того, что местные и приезжие сосуществовали в общем советском пространстве?

Для анализа мы привлекали материалы устной истории: интервью с когалымчанами и литовцами, работавшими в 1980-е гг. на указанной территории. Они дополнены статьями региональной (тюменской и литовской) прессы, опубликованными воспоминаниями и фотографиями из фонда краеведческого музея Когалыма, личных коллекций информантов. Особо следует отметить книгу «Keliás» (Дорога) Годы Яноните-Янкаускене (1940–2018) как основной опубликованный источник по истории ДСУ-12. Будучи женой инженера-мостостроителя А. Янкаускаса и непосредственным участником событий, она подробно описала повседневность литовских дорожников и свои впечатления о Западной Сибири, где прожила семь лет. Большая часть источников в научный оборот вводится впервые.

При анализе материальных следов и воспоминаний о пребывании на Тюменском Севере мы ориентируемся на теорию коллективной памяти Яна Ассманна, особенно на предложенное различие «миметической памяти», «памяти объектов» (материального окружения социального мира), «коммуникативной памяти», передаваемой через три-четыре поколения посредством прямого общения, и, наконец, «культурной памяти» [Assmann, 1992, p. 20–21; 2008, p. 109–118]. Последняя

формируется благодаря ритуальным практикам и существованию «твердых» объектов репрезентации, таких как мемориалы, памятники, культурные ценности и пр.

Позднесоветский период, как и сами трудовые миграции, еще не стали достаточно интересными для российских историков, тем более трудно их актуализировать и в контексте нынешней политики памяти. В Литве же из-за особенностей нынешней мемориальной культуры, представляющей Россию исключительно как агрессора и оккупанта, а советский период – в основном как «потерянное время», нет места для нейтральных или позитивных интерпретаций того, что в литовском публичном дискурсе называется *sovietmetis* (советское время). Таким образом, с обеих сторон этому сюжету грозит равнодушие или забвение. Как известно, процесс *забвения* является интегральной частью воспоминания. Как и воспоминание, которое не есть лишь простое архивирование следов прошлого, забвение тоже активно принимает участие в процессах культивирования и очищения памяти от «ненужных» или «неценных» элементов [Harrison, 2012, p. 167].

Похожая ситуация и с восприятием материальной памяти. Тут тоже надо делать различие между понятиями «наследие» и «наследство». Если «наследство – это все то, что нам оставляет прошлое, наследие – это то, что мы из этого наследства выбираем для собственного пользования и храним для будущего» [Vičas, 1993, s. 6], то очевидно, что для успешного завершения процесса наследования нужно соблюсти несколько условий. По мнению французского исследователя Ж.-М. Ленье, этими условиями являются следующее: 1) старение и потеря утилитарной ценности объекта становятся претекстом его наследования; 2) объект должен отличаться редкостью и сохранностью, а это зависит от случайностей исторического процесса; 3) он также должен соответствовать своеобразным критериям оценки (иметь историческую, художественную и другую ценность);

4) вещи прошлого становятся объектами наследия из-за ассоциаций с важными событиями или личностями; 5) ими должна заинтересоваться определенная социальная группа – *медиаторы-инициаторы* наследования. Ими могут стать сообщество краеведов, представители муниципалитета, в крайнем случае – влиятельное физическое лицо [Leniaud, 1992, p. 34]. Но кто в нашем случае мог бы стать инициатором наследования и на какие аргументы опираться? Дистанция с позднесоветским периодом все еще проблематична, а административная сфера охраны культурного наследия до сих пор ориентирована на сохранение исключительных, архитектурно или художественно наиболее ценных, объектов [Чепайтене, 2016, с. 15] и не способна видеть ценность в типовых зданиях массового строительства, не говоря уже о следах инфраструктуры, оставшихся в нынешнем ландшафте российского Севера. Несмотря на эти трудности, наше исследование можно считать первой попыткой, опирающейся на конкретный случай, нащупать противоречия и взаимосвязанность *истории – рассказа, воспоминания – забвения и наследства – наследия*.

#### **Участие прибалтийских республик в строительстве Когалыма в контексте северной урбанизации**

Урбанизация северных территорий – во многом уникальное явление в советском градостроении. Поэтому эта тема была и остается востребованной в сибиреведении. Краткий обзор работ, посвященных теме советского и постсоветского северного градостроения, приведен в монографии [Стась, 2016, с. 19–64]. Если тема «нефтяной» урбанизации достаточно разработана в российской историографии, то этническая компонента освоения нефтегазового комплекса и трудовые миграции в позднесоветский период остаются *tabula rasa* для специалистов<sup>3</sup>. О работе прибалтийских строителей на территории Тюменского Севера встречаются единичные упоминания. Например, Я.М. Каган отмечает, что «привлечение строителей Украины и Белоруссии, Прибалтийских республик, Москвы и Ленинграда и других, безусловно, являлось эффективной мерой в развитии работ, придало новый толчок качеству строительства» [Каган, 1987, с. 351]. Чуть подробнее о литовцах пишет И. Стась, анализируя миграционные процессы в ХМАО в 1960–1980-е гг. [Стась, 2017, с. 134–140].

В 1970–1980-е гг. в освоении Тюменского Севера принимали участие все советские республики, что создало основу для современной многонациональной составляющей населения региона. Однако в отличие от украинцев, армян и азербайджанцев, многие из которых остались жить в этом регионе, «прибалты» в большинстве своем выехали на родину. Нужно отметить, что проект помощи Тюменскому Северу со стороны прибалтийских республик имел прагматическую основу: мы строим инфраструктуру, вы расплачиваетесь нефтью и газом, которые поступали на нефтеперера-

батывающий завод в Мажейкяй, обеспечивавший нефтепродуктами весь прибалтийский регион. Поэтому «Когалымскому проекту» уделялось много внимания со стороны руководства республик.

Как и многие северные города Тюменской области, Когалым начал застраиваться, будучи еще поселком Когалымский. Подтверждением этому стало закрепление в речи когалымчан противопоставления «поселок» и «город». Поселок Когалымский появилась в 1976 г., статус города ему присвоили в 1985 г., жилищное строительство началось в начале 1980-х гг. Проектирование осуществлял институт «Ленгипрогор», в качестве субподрядчика выступал филиал Каунасского института проектирования городского строительства.

Вероятно, приглашение республик для участия в строительстве было обосновано всесоюзным признанием их архитектурного мастерства [Drémaitė, 2017, p. 122]. Упомянем достижения ЛитССР в сфере массового строительства. Литовские проектировщики получили государственную премию – за проект первого «спального района» Вильнюса – Жирмунай (1968 г.) и Ленинскую премию за проектирование вильнюсского микрорайона Лаздинай (1974 г.).

Строительной площадкой для возведения Когалыма стала территория в семи километрах от железнодорожной станции. Первые строительные бригады приехали в 1980 г. из прибалтийских республик. Литовскую ССР представляли ДСУ-12 и СМП-1 Эстонскую – СУ-7, Латвийскую – ПМК-177. Общая численность приехавших с 1980 по 1996 г. составляла примерно 4 тыс. чел., большинство их – дорожники и строители из Вильнюса и Каунаса [Петрушин, 2015, с. 73–75].

В современной научно-популярной литературе с гордостью говорится о привлечении к созданию города строителей из разных концов СССР [Фистик, 2006, с. 92]. Уникальность строительства будущего города подчеркивалась уже в 1980-е гг.: «Наш поселок особенный, единственный в своем роде... <...> Для Когалыма с самого начала был разработан генплан, в котором учтены новейшие достижения урбанистики» [Szejnberg, 1985, s. 3]. О строящемся городе появились стихи в литовском журнале:

Тут многоэтажки витринами блещут.

Латыши построили.

А садик – украинцы.

Растет фасад новой школы.

Из болота поднимаются

бетон и стекло...

А тут уж литовские дома.

Чудеса да и только!

За стеклом балконы цветут цветами! (Astrauskas, 1983, s. 7, перевод Р. Чепайтене).

Первыми приехавшими литовцами<sup>4</sup> стали работники ДСУ-12 (рук. А. Янкаускас). Они обосновались неподалеку от железнодорожной станции, чтобы отслеживать грузы, присылаемые из республики. Такое решение оказалось стратегически верным: резко сокращались сроки начала работ на месте и экономились средства на транспортировку стройматериалов.

В рекламном проспекте Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог Литовской ССР о прагматической стороне дела упоминается косвенно и подчеркивается ответственность: «Едва в республике стало известно о необходимости специалистов-дорожников для Западной Сибири, как в дальнюю дорогу собрались те, кого позвала не только романтика, но и чувство долга» (Дорога к нефтяным кладовым, 1985, с. 4). Тем не менее в основе мотивации работников лежал и материальный интерес (высокая зарплата, покупка квартиры и машины) [Kazlauskaitė, 1980, p. 4]. По словам одного из них, «были молодыми – хотелось и романтики, и проверить себя в экстремальных условиях, и хорошо заработать» (инф. 1). Сочетание профессионализма, романтического желания «проверить себя» и высокой оплаты было типично для большинства «новых» северян 80-х гг. XX в. [Клюева, 2016, с. 197–209; Агапов, Клюева, 2018, с. 6–24].

Можно утверждать, что литовцы ощущали свою миссию как важную. По словам министра автомобильного транспорта Литовской ССР Ивана Чистякова, не раз посещавшего Когалым, литовские дорожники были лучшими среди дорожников республик. Работа их отличалась не только качеством и изобретательностью (по воспоминаниям Г. Яноните-Янкаускиене, А. Янкаускас предполагал, что проложенные трассы могут назвать «литовской дорогой»), но и аккуратностью (по обочинам не оставляли мусор, а насыпи по сторонам дороги засеивали травой, что укрепляло трас-

су). Надо отметить, что полученный в северных условиях опыт строительства дорог через болота пригодился и в самой Литве. В желании показать себя с лучшей стороны были заинтересованы не только республиканские руководители, но и сами строители, нашедшие возможность блеснуть своей «инаковостью», почувствовать себя представителями более развитой культуры. Об этом не раз упоминается в книге Г. Яноните-Янкаускиене, например: «Трудно объяснить, откуда бралась эта движущая сила, из-за которой работа выполнялась качественно и вовремя. Положительные результаты получались не только из-за хорошей оплаты – деньги и материальное вознаграждение были не единственным стимулом высококачественной работы. Хорошим результатам были рады сотрудники управления, их скоро заметили заказчики, коллеги из других организаций» [*Janonytė-Jankauskienė*, 2001, s. 127]. Тут мы имеем дело со своеобразной *аккумуляцией доброй репутации* или формированием социального капитала, который оказался востребованным впоследствии.

В дискурсе первопроходцев Когалыма встречается убеждение в том, что «прибалтами» приезд на север воспринимался как подвиг, который вознаграждался после возвращения на родину. Остальные же строители такой поддержки со стороны «территории выхода» не имели. *«Их же снабжали прямо с Прибалтики, они вообще были все героями, понимаете? Они, закончив три года здесь, получали в Вильнюсе, например, квартиру и машину. Чего нам никто не обещал никогда. Они героями приехали сюда, понимаете?»* (инф. 2) Хотя архивные материалы показывают, что это впечатление было ошибочным и литовцы по возвращению домой тоже испытывали трудности в получении обещанных льгот.

### **Организация жизни в поселке Прибалтийских строителей**

Каждая организация самостоятельно принимала решение о методе организации работ – вахты или постоянное проживание. В большинстве случаев предпочитали вахтовый метод, так как он не предполагал создания дополнительной социально-бытовой инфраструктуры. Зачастую впоследствии вахтовые поселки перерастали в постоянные. Примером могут служить вахтовки на Ямбурге или строительство г. Радужный. Прибалтийские управления также выбирали разные варианты работы строителей. Например, эстонцы в Сургутском районе и Когалыме предпочитали вахтовый метод (месяц работать на Севере, месяц – дома), а литовцы считали необходимым построить капитальный поселок.

Производственная база ДСУ-12 и жилой поселок были спроектированы Государственным институтом исследования и проектирования автомобильных путей Литовской ССР (авторы проекта – А. Шульскис и замначальника ДСУ-12 Б. Издунис). В Литве тип собираемых щитовидных домиков, которыми застроен Прибалтийский поселок, назывался «алитукай», «алитнамай». Такой тип застройки был разработан в г. Алитус для сельских жителей, как компромисс между желанием иметь индивидуальный дом и типовым строительством. Когалымчане же называли их «финскими сборными домами» (инф. 3). В поселке за пять лет (1980–1985 гг.) рядом с жилыми одноэтажными и двухэтажными домами-коттеджами были построены административные здания. Здесь же работали детский садик «*Ažuoliukas*» (Дубок) и начальная школа, которая напрямую подчинялась Министерству образования Литвы [*Juodytė*, 1985, s. 4].



Современный вид «алитукаса» на территории Прибалтийского поселка  
(фото В. Ключевой, 2018 г.)

Открытие школы в поселке свидетельствовало о долгосрочных «северных» стратегиях литовцев. Всем приезжим приходилось решать «детский вопрос»: либо привозить детей в Когалым, либо оставлять их в Литве у родственников. Малыши могли ходить в детский сад в самом поселке, но детям постарше надо было учиться в русскоязычной школе в городе. И это вызывало проблемы после возвращения в республику, где школьное обучение было преимущественно на литовском языке. Чтобы дети имели возможность учиться на родном языке, была открыта литовская начальная школа. Ее открытие отмечалось всем управлением как большое событие [Там же, р. 2]. Заметим, что прочие семейные «прибалты» отдавали своих детей в городские школы. Подтверждением этому служит воспоминание об эстонских учениках одной из наших информанток, работавшей учительницей.

Очевидно, что литовцы поощряли проживание семьями, хотя это требовало дополнительных расходов, но в результате эффективность труда оказывалась выше [Там же]. Умело был решен и вопрос подчинения и контроля разного рода работников ДСУ-12 и СМП-1, который курировался различными министерствами (здравоохранения, торговли, просвещения, культуры). Чтобы избежать бюрократического хаоса, было решено всех приезжих из Литвы оформить работниками управлений [*Janonytė-Jankauskienė*, 2001, s. 119]. Таким образом, литовцы в своем поселке сумели создать своеобразную *автаркию*, которая по степени развитости инфраструктуры контрастировала с окружающим миром. На автономность ДСУ-12 и СМП-1 указывает и то, что все официальные названия учреждений обозначались, как и в самой Литве, на литовском и русском языках. Связь с республикой поддерживали и частые визиты чиновников, журналистов, лекторов из общества «Žinija» (Знание), профессиональных и самодеятельных коллективов и отдельных артистов.

Присутствие «прибалтов» вскоре стало предметом гордости для жителей молодого населенного пункта. Ведь Прибалтика для них, как и для большинства советских граждан, казалась наиболее экономически и культурно развитым регионом СССР – собственным «маленьким Западом», куда было приятно приехать за покупками или на отдых [Зубкова, 2008, с. 4].

#### **Образы инаковости: что видели когалымчане**

По внешнему виду Прибалтийский поселок сильно отличался от других временных рабочих поселков Западной Сибири. Подчеркивание его инаковости началось еще в 1980-е гг. «Довелось увидеть здесь же, в окрестностях Когалыма, территории, какие нигде больше на Севере не встречались: зеленые газоны, легко и изящно огороженные стволами белоствольных берез, клумбы цветов, аккуратные дорожки. Это городки прибалтийских строителей. У каждого свое лицо: у эстонцев – продолговатые деревянные дома с белыми рамами, у латвийцев – строгие домики из кирпича, у литовцев – веселые теремки, выкрашенные в яркие цвета. <...> Устроились удобно и *эстетично*» [Гареева, 1985, с. 3]. По воспоминаниям Г. Яноните-Янкаускиене, Прибалтийский поселок прочие когалымчане, шутя, называли государством «Лилаэст» (Ли(тва)/Ла(твия)/Эст(ония), которое завоевало Сибирь. А вот как территорию ДСУ-12 описывают современники: «В городке дорожников все напоминает о Литве. Деревянные домики с остроконечными крышами, покрытыми красной черепицей. Бревенчатые колодцы, плетеные изгороди. И даже фигурки аистов, свивших гнездо на колесе от старой телеги. <...> В жилом комплексе сейчас преобладают двухэтажки Алитусского ДСК. По проектам местных зодчих Альгиса Чеканаускаса и Ионаса Блашкявичюса построены оригинальное административное здание, столовая и спортивный комплекс. <...> Въезд в городок запрещен для грузового транспорта. Под охраной каждое деревце. Всюду ухоженные лужайки, цветники» [Роменский, Чернышев, 1985, с. 6]. В столовой подавались литовские национальные блюда, пекли черный хлеб [*Barbaravičius*, 1981, s. 4]. Литовские журналисты даже называли территорию ДСУ-12 «миниатюрной моделью нашей республики» [*Juodytė*, 1985, s. 2].

Застройка поселка была иллюстрацией прибалтийского/литовского образа жизни и отсылала к подобию «маленькой Литвы» как синониму «маленького Запада». Жители Когалыма воспринимали внешний облик поселка как образец иной культуры. Обратим внимание на то, что информанты, хотя и использовали коннотации *инаковости* и *чуждости*, но избегали оценочных суждений: «...А литовцы, у них другая культура была сразу. Они, знаете, если они ставили дом, то двадцать сантиметров от дома – стояла сосна. Она была сохранена. ... Эта вся природа – она вокруг. ...

Дело в том, что культура – я вот говорю, они могли создать людям условия сразу. Понимаете, сразу. А наши все стирали, а потом начинали создавать условия и тоже создавали хорошие условия, но сначала все стерто, а потом...» (инф. 4).

«Культурный образ жизни» прибалтийских дорожников и строителей – как подтверждение цивилизованности «прибалтов» – постоянно присутствует в нарративах когалымчан: «...Это вытекало из общей культуры прибалтов. И там была чистота и порядок, газоны с зеленой травой поливались по трубкам! ... У литовцев коттеджи с высокими крышами. И хоть крыши крыты шифером, а не черепицей, но покрашены в разные цвета! На вопрос: "Зачем это?" они терлись с ответом. Им казалось, это и так понятно, что тут объяснять. Потом, пожав плечами, говорили: "А чтоб красиво было!"» (Когалым – транзит ..., 2011, с. 200).

Современные когалымчане транслируют образ «прибалтов» как носителей западной культуры: «Они жили по-западному, понимаете? Они привезли культуру вот эту в каком плане? У них сразу туалет теплый на улицах появился. В домах не было, а на улице общий туалет теплый, дорожки заасфальтированы, цветочки везде посажены. <...> У нас тоже цветочки в палисадниках росли у некоторых там в поселке, вот. Но эти вот другую какую-то культуру привезли» (инф. 2). Прочитанный отрывок относится к поселку СУ-7, в котором жили эстонцы. Но содержание его легко распространяется на все поселки, так как в представлении когалымчан все представители республик Прибалтики объединялись под общим названием «прибалты».

Более того, их поселки могут описываться не как «маленький Запад», а даже как нечто сказочное: «...Там вот прибалты, они установили свои поселочки, у них снабжение свое было, все это индивидуально, как мини-царство у них было» (инф. 3). Воспринимать сказочность образа можно двояко: как нечто прекрасное и потому неопишное и одновременно как другую страну, т.е. автономный образ жизни.

В региональной прессе 1980-х гг. также подчеркивается «особость» литовцев. «...Про них говорят: "Прибалты себя любят". С уважением говорят, потому что видят, с какой хозяйской основательностью устраиваются они в тайге» [Туманов, 1981, с. 4]. Образ поселка сохранился в стихах:

Флаг над вагончиком.

Называется «Поссовет».

На картах города еще нет.

Но рождается, не город – курорт!

Вот ведьма скачет на метле – баня.

Вот зал – «Спорт»...

Нет, тут еще только поселок.

Строители тут живут... (Astrauskas, 1983, s. 7, перевод Р. Чепайтене).

Вильнюсская газета «Czervony sztandar» цитирует слова заместителя председателя исполкома Сургутского райсовета Л. Конева: «С первых дней приезда по инициативе начальника управления А. Янкаускаса взяты под охрану каждое деревце, каждый источник на территории будущего поселка. Точно продумано место каждого дома, каждого строения. Явным архитектурным акцентом стало здание конторы управления. <...> Играет собственный эстрадный ансамбль, духовой оркестр, работает хорошо обеспеченная библиотека. <...> Имеется плавательный бассейн, прекрасный спортзал, многочисленные секции и кружки...» [Szejnberg, 1985, s. 3].

Подобное отношение к окружающей среде было не случайно. Оно связано с традиционной народной культурой, в которой много внимания уделялось эстетике окружающей среды крестьянской усадьбы, ее сочетанию с цветами, кустарниками, деревьями. А еще одной причиной была жалость к выросшим в суровых условиях деревьям [Barbaravičius, 1981, p. 7]. Тут мы имеем дело с иным уровнем экологического сознания, на что указывают и репортажи литовских журналистов: «Люди, которые не хранят природу, похожи на медведей в магазине фарфора» [Urbonas, Vėlyvis, 1987, p. 2].

Из благожелательных и даже зачастую восхищенных нарративов, описывающих внутреннюю жизнь в поселке, выбиваются воспоминания, связанные с темой снабжения. «А рядом был поселок невероятной красоты – ДСУ-12. Европа какая-то. Там жили прибалты, у них были дома с остроконечными крышами. У них были магазины, где было все – даже газировка «Фиеста» и жвач-

ка литовского производства. В магазин со стороны никого не пускали» (Когалым – транзит..., 2011, с. 321).

Ситуация с обеспечением в районах нефтяного освоения была сложной [Гаврилова, 2015, с. 200–205]. Снабжение вахтовиков и рабочих, приезжавших из других регионов страны, чаще всего осуществлялось через ведомственные ОРСы Главтюменьнефтегаза, Тюменьгазпрома, Миннефтегазстроя. Для обеспечения литовских дорожников и строителей был ОРС, который комплектовался республиканскими министерствами. Не только литовцы, но и другие освоители получали значительную часть товаров из своих республик. Для когалымчан ведомственные торговые точки прибалтийских строителей были своеобразной витриной «маленького Запада». Не зря в цитате, приведенной ранее, подчеркивается, что там продавались газировка и «жвачка», недоступные простым советским покупателям. Поэтому распространенный нарратив включает описание ассортимента и способов покупки. Например: «В поселке у прибалтов были свои магазины и свои карточки, они никого со стороны не пускали. Но в конце месяца, когда у них оставались излишки, кое-что доставалось и нам» (Когалым – транзит..., 2011, с. 251).

Отметим, что запрет на продажу товаров «чужим» здесь характеризует практику ведомственного распределения в целом. Хотя бывали исключения, так, литовцы позволяли в своем магазине покупать хантам. Кроме этого, выдавались пропуска другим жителям – не работникам конкретного предприятия. Такие пропуска получали, например, учителя средней школы. «Нам дали пропуска – у них же всё по пропускной системе. <...> Они друг другу ничего [не продавали]. Эстонцы не могли в латышском магазине ничего купить, литовцы – в латышском магазине, латыши – в литовском» (инф. 2).

#### **Образы инаковости: что транслировали литовские гости**

Литовская пресса уделяла много внимания «Когалымскому проекту». Нефть поступала по нефтепроводу «Дружба» на нефтеперерабатывающий завод в Мажейкяй, поэтому рассказы журналистов часто начинались с подчеркивания важности проекта и героического труда его участников. В многочисленных репортажах Сибирь предстает местом удивительной дикой природы с суровым климатом; обращаются авторы и к историческим связям Литвы с Тюменским краем [Kudarauskaitė, 1985, s. 2; Blėda, 1986, s. 2]. Часто сравнивается сибирская и литовская природа, например, болота в окрестностях Когалыма с известным природным резерватом Чяпкеляй на юге Литвы и т.д. Встречаются и стихотворные описания:

Когда смотришь с вертолета – блестит край озерами.  
По берегам сплошные ягодники,  
Сосенки и березки.  
А рыб! А грибов, грибов –  
Не видал такой мощи!  
Озерки, белый песок...  
Паланга! Благодать!  
Казалось бы, раздевайся и ложись...  
Стой! Подожди, не будь растяпой –  
Поймешь слишком поздно,  
Когда закусает мошкара (Astrauskas, 1983, p. 7, перевод Р. Чепайтене).

Корреспонденты, гуляя по городу, замечали, что он похож на жилые кварталы литовских городов с хорошо продуманной планировкой зданий, ухоженной жилой средой. Облик домов в Прибалтийском поселке часто сравнивался с поселками Куршской косы. Наверное, сходство вызывали черепичные крыши зданий, белый песок. Являются ли повторяющиеся мотивы сравнения сибирской природы и Когалыма с Палангой, Куршской косой, новыми литовскими городами лишь литературным приемом или за этим кроется что-то еще? Может, это попытка принять чужую суровую землю и таким образом полюбить ее, прижиться на ней?

Основной фокус публикаций делался на самих себе, на литовской стороне. Контакты с другими прибалтийскими специалистами или местными жителями упоминаются фрагментарно, а если и упоминаются, то несут позитивный, неконфликтный характер. Мы специально задавали респондентам вопрос о межэтнических отношениях, но все отвергали существование этнических кон-



фликтов/стереотипов при общении как между собой, так и с местными сибиряками. Своеобразное исключение – ханты, которые воспринимались как явная экзотика.

Ханты появляются в контексте противопоставления прогресса и отставания: «Раньше тут ханты пасли оленей, рыбачили и охотились, а сегодня люди, взяв в помощь мощную технику, строят дороги, газопроводы» [Palionis, 1985, s. 1]. Хотя в статьях отдается дань идеологическому постулату «о советской власти, позволившей этому северному народу одолеть голод, холод и нищету», описываемые детали быта говорят скорее о противоположном. Например, в одной статье запущенная стоянка хантов описывается так: «Ограды, связанные корнями деревьев, маленькие трущобы, построенные без единого гвоздя, с низкими отверстиями дверей, через которые можно втиснуться, лишь наклонившись. Вместо окон – проемы без стекла и рамы. Внутри домика – черное пятно от очага, веющее холодом и негостеприимством» [Malaušauskas, 1985, s. 3]. Очевидно, что такие условия быта шокировали. Другой корреспондент, посетив чум хантов, писал: «Теперь местных жителей увидишь редко, они переселились подальше от строительства». Он удивлялся условиям жизни, спрашивая себя, как можно растить детей без электричества и бытовых удобств, и добавлял: «Но туземцы чувствуют особую любовь к природе и ее, наверное, не могли бы поменять ни на что другое» [Jankauskas, 1987, s. 2].

Несмотря на различие образа жизни и культурных традиций, литовцы подружились с хантами. Эта своеобразная дружба началась с помощи дорожников ДСУ-12, вытащивших из болота машину хантов. Потом ханты не раз обращались в медпункт управления за врачебной помощью [Juodytė, 1985, s. 2]. Им, единственным из посторонних, позволялось без ограничений делать покупки в литовском магазине [Janonytė-Jankauskienė, 2001, s. 102–104]. В ДСУ-12 даже был человек, неофициально ответственный за связи с хантами, его шутливо называли «представителем по делам хантов». Возможно, поэтому ханты разрешали себя фотографировать литовским корреспондентам, были рады их принимать у себя дома, хотя не любили приглашать чужих, особенно женщин [Kazlauskaitė, 1982, s. 5]. Такое теплое общение обеим сторонам было выгодно и экономически: ханты продавали ягоды, которые отсылались в Литву, а литовцы привозили заранее заказанные продукты [Urbonas, 1986, s. 2]. Стоит ли эти проявления дружелюбия считать неосознанной солидарностью «колонизированных» или ее поощряли обоюдное любопытство, интерес к «другим»? В глазах «прибалтов» образ хантов предстал неоднозначным: это человек, удаляющийся от цивилизации в глубь дикой тундры и не желающий иметь ничего общего с чужими; туземец, вынужденно принимающий от чужаков помощь (техническую, медицинскую, логистическую); ассимилированный абориген, освоивший блага цивилизации, но заплативший за это потерей своей идентичности и традиционной культуры.

Цивилизационные и ментальные различия литовцев и сибиряков обнаруживаются и через другие бытовые детали. Например, встречается описание впечатления Г. Янкаускене от посещения когалымского кладбища. Она пытается сохранить нейтральный тон, но чувствуется шок, испытанный при виде запущенного и заваленного мусором места захоронений. Даже после того как этому кладбищу со временем был придан более приличный вид, рядом с ним устроили несанкционированную свалку [Janonytė-Jankauskienė, 2001, s. 54–55]. Ее возмущение понятно, ведь в литовской культуре кладбище – глубоко почитаемое, почти сакральное место.

### Память и наследие

В памяти современных жителей Когалыма прибалтийская тема сохраняется на двух уровнях: в публичном пространстве и в личных воспоминаниях. Мы уже упоминали, как «прибалты», и литовцы в частности, репрезентированы в локации. Это происходит, прежде всего, через топонимику. Одна из центральных улиц города называется Прибалтийская, в поселке Прибалтийских строителей (бывший поселок ДСУ-12) есть улицы Вильнюсская, Рижская и Таллиннская. В городе сохранилось представление об «эстонских» и «литовских» домах, бывшем ДК «Янтарь», кафе «Медвежонок/Meškiukas». Въезд в Прибалтийский поселок маркирован памятным знаком с изображением герба Каунаса.

Казалось бы, одним из способов репрезентации и сохранения наследия «прибалтийского пребывания» должна выступить экспозиция в краеведческом музее. Однако и там его следы неочетливы. В фондах музея есть фотографии литовцев, однако в самой экспозиции подробной информации об этнической составляющей тех, кто строил город, – нет.

В городе до сих пор помнят строителей из Прибалтики. Типичный нарратив воспроизводит В. Золотцев (бывший начальник узла связи): «Эстонцы и литовцы строили пятиэтажки, а латыши – многоподъездные девятиэтажки. Строили круглосуточно, в три смены, из своих материалов, их доставляли по железной дороге из Прибалтики. Строили достаточно быстро и качественно. Одной организацией в квартал сдавалась одна пятиэтажка (45 подъездов) под ключ и одна без отделки» (Когалым – транзит..., 2011, с. 219). Сохранился своеобразный рейтинг престижности проектов, на который до сих пор ориентируются когалымчане при покупке квартир. Наиболее престижными считались дома эстонской серии, затем латышские и литовские.



Кафе «Медвежонок/Meškiukas»  
(фото А. Галвялис, ок. 1992 г.)



Зубр – геральдический знак Каунаса  
(фото В. Клюевой, 2018 г.)

Публичная память в Литве, посвященная периоду освоения Тюменского Севера, также скрыта. Причиной этого является то, что Сибирь (и Севера) у большинства жителей стран Балтии чаще всего ассоциируется с трагическим историческим опытом – ссылками повстанцев 1831 и 1863 гг. и особенно со сталинскими депортациями и ГУЛАГом. По словам известного писателя Саулюса Шалтениса, для литовца на Земле есть три важных места – Родина, Сибирь и Чикаго<sup>5</sup>. Позитивные образы этой части России в историческом сознании являются маргинальными или вовсе отсутствуют. «Освоенческая» тема в новейшей историографии стран Балтии остается неактуализированной (например, в исследованиях литовских историков она упоминается редко и фрагментарно [Stravinskienė, 2017, s. 7375; Tininis, 2017, s. 165–168], соответственно, информация о работе «на Северах» сохраняется только в семейной памяти или ближнем круге участников событий).

## Выводы

Описываемый нами кейс является примером парадокса памяти: память о жизни в северном городе не является травматичной, и потому она почти не воспроизводится в публичном дискурсе и оказывается подверженной забвению. Наши материалы свидетельствуют о том, что в воспоминаниях о литовских/прибалтийских следах на Тюменской земле сочетается коммуникативная и материальная память, так как переход данного пласта памяти в поле более стабильной и долгосрочной культуры воспоминаний еще не произошел и по ряду причин, наверное, еще не скоро произойдет или вовсе не начнется.

«Когалымский проект», являвшийся предметом гордости, для нынешнего литовского общества остается почти неизвестным или вызывает у него противоречивые эмоции, связанные с трудностями его оценки. Он никак не вписывается в доминирующий нарратив «борьбы и страданий», скорее, наоборот, может вызвать отрицание из-за чересчур позитивного и бесконфликтного образа позднесоветского периода, а поэтому остается на узколокальном уровне – в среде людей, которые по частной инициативе пытаются сохранить эту все более ослабевающую память, поддерживающую общность литовских *sibiriečiai* (сибиряков) во время личных встреч или через переписку.

Для когалымчан память о прибалтийских строителях также остается неустраиваемой и почти забытой. В чем причины такого забвения? Можно утверждать, что в этом нет осознанной политической амнезии, скорее, мы наблюдаем смену отношения городских властей и градообразующих предприятий к разным этапам существования Когалыма. Сейчас он позиционируется как город нефтяников, и поэтому предыдущий этап его развития менее заметен. Этот тезис подтверждается местными СМИ. Например, еженедельная городская газета «Когалымский вестник» в августе 2007 г. опубликовала слоган «С днем рождения, город юности, город нефтяников!» Об этом же вспоминают и первопроходцы, первые строители и жители бывшего поселка Когалымский: «*Я вот считаю, что официально везде звучит у нефтяников: "Мы не делим никого на нефтяников и не-нефтяников". <...> Но факт остается фактом, что официально мы все вроде нефтяники*» (инф. 2). Из-за того, что коллективная публичная память не заинтересована в сохранении следов, а личная память большинства горожан не содержит воспоминаний о первых строителях, память постепенно угасает, а материальные ее следы становится невозможно расшифровать.

Мы можем предполагать, что актуализация совместной истории поможет преодолеть посттравматический синдром, при котором история преподносится только в негативном или трагическом виде. Предпосылки этого существуют. Несомненно, пребывание среди другой/иной культуры укрепляло национальную идентичность и заставляло гордиться своей родиной и культурой, но одновременно с этим в воспоминаниях постоянно присутствуют сюжеты о совместном досуге и отсутствии непреодолимых различий между людьми разных национальностей. Это и понятно, ведь все первые жители Когалыма относились к поколению, родившемуся уже в Советском Союзе и получившему свою долю советизации, усвоив язык, нормы и практики, характерные для всего советского общества.

## Список условных сокращений

ДСК – домостроительный комбинат  
ДСУ – дорожно-строительное управление  
ПМК – передвижная механизированная колонна  
ОРС – отдел рабочего снабжения  
УРС – управление рабочего снабжения  
СУ – строительное управление  
СМП – строительный-монтажный поезд

## Список информантов

Инф. 1 – А.Г., муж., г. Каунас  
Инф. 2. – Т.Г., жен., г. Когалым  
Инф. 3. – Л.В., жен., г. Когалым  
Инф. 4 – Н.З., жен., г. Когалым

### Примечания

<sup>1</sup> Стихотворение Г. Боймиструк см.: Juodytė Gražina. Tiumenės meridianuose. 10. Galina – entuziastė // Tarybinė Klaipėda. 1985. № 9. S. 2.

<sup>2</sup> Мы сознательно используем слово «прибалт(ы)» в кавычках, так как в лексиконе жителей стран Балтии это слово имеет скорее негативную коннотацию, поскольку этнически, лингвистически, исторически, культурно и конфессионально литовцы, латыши и эстонцы имеют мало общего и никогда не имели единой идентичности. Сам термин «прибалт(ы)» появился довольно поздно, в контексте советизации этих территорий. При этом прилагательное «прибалтийский», например «прибалтийские республики», такого оттенка не имеет.

<sup>3</sup> Уточним, что тема северных/сибирских миграций российскими исследователями, прежде всего географами и социологами, разрабатывается весьма активно. Но их интересует прежде всего постсоветский период. Например, см. [Ефремов, 2016]. Историки предпочитают изучать иностранную миграцию или трудовую миграцию, связанную с периодом Большого террора. Например, см. [Переселенческое общество..., 2013], тогда как 1970–1980-е гг. остаются вне исследовательских интересов.

<sup>4</sup> Используя этнонимы «литовцы», «эстонцы» и «латыши» в данном случае, мы имеем в виду жителей прибалтийских республик разных национальностей, ориентируясь на «место приписки» их организаций.

<sup>5</sup> В Чикаго проживает самая большая литовская диаспора.

### Библиографический список

- Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erll, A. Nünning (Hg.). Berlin; New York, 2008. P. 109–118.
- Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992. S. 20–21.
- Astrauskas G. Kogalymo eskizai. Striuka geo-etnologinė įžangėlė // Šluota. 1983. № 21. S. 7.
- Barbaravičius M. Sparčiosiose Sibiro statybose. 6. Jeigu nori cepelinų // Lenino vėliava. 1981. № 146. S. 4.
- Barbaravičius M. Taiga traukiasi // Lenino vėliava. 1981. № 143. S. 7.
- Blėda S. Vakarų Sibiro reportažai II. Marytės Melnikaitės gatvė // Tiesa. 1986. № 93. S. 2.
- Bučas J. Palikimas ar paveldas? // Naujasis dienovidis. 1993. № 17. S. 6–7.
- Harrison R. Heritage. The Critical approaches. London: Routledge, 2012. 288 p.
- Drėmaitė M. Baltic Modernism. Architecture and Housing in Soviet Lithuania. Vilnius: Lapas. 2017. 319 p.
- Jankauskas R. Žemaitis Vytautas, Sibiro reportažai 3. Namai taigoje // Tiesa. 1987. № 7. S. 2.
- Jankauskas R. Žemaitis Vytautas, Žmonės ir žemės gelmės // Tiesa. 1987. № 5. S. 2.
- Janonytė-Jankauskienė G. Kelias. Jonava: Dobilas, 2001. 195 p.
- Juodytė G. Lietuviška mokykla Sibire // Tarybinė Klaipėda. 1985. № sausio 10 d. S. 4.
- Juodytė G. Tiumenės meridianuose. 3. Žmogus grūdinasi darbe // Tarybinė Klaipėda. 1985. № 2. S. 2.
- Juodytė G. Tiumenės meridianuose. 9. Lietuviška mokykla Sibire // Tarybinė Klaipėda. 1985. № 8. S. 2.
- Juodytė G. Tiumenės meridianuose. 11. Susitikimai su chantais // Tarybinė Klaipėda. 1985. № 10. S. 2.
- Kazlauskaitė G. Rūsti Šiaurės romantika // Vakarinės naujienos. 1980. № 222. S. 4.
- Kazlauskaitė G. Sibiro reportažai. 3. Du susitikimai // Vakarinės naujienos. 1982. № 87. S. 5.
- Kudarauskaitė M. Trasa per taigą // Tiesa. 1985. № 182. S. 2.
- Leniaud J.-M. L'Utopie française. Essai sur le patrimoine. Paris: Menges, 1992. 180 p.
- Malašauskas J. Kelias tundroje // Tarybinė Klaipėda. 1985, 5 spalio. S. 3.
- Palionis A. Lietuvos statybininkai Vakarų Sibire // Tiesa. 1985, 10 vasario 10. S. 1.
- Stravinskienė V. Lietuvos gyventojai organizuotose darbo migracijose į SSSR: XX a. 6-9-tasis dešimtmečiai // Genocidas ir rezistencija. 2017. № 42. S. 73–75.
- Tininis V. Pirmtako šešėlyje. Biografinė apybraiža apie Sovietų Lietuvos vadovą Petrą Griškevičių (1924-1987). Vilnius: LGRTC, 2017. 241 s.
- Szejnberg M. Z tiumeńskiego notesu. 1. Kogalyt patzhy w przyszłość // Czervony sztandar. 1985. 31 sierpnia. S. 3.
- Szejnberg M. Z tiumeńskiego notesu. 2. 124 kilometry litewskiej drogi // Czervony sztandar. 1985. 1 września, S. 3.
- Urbonas A. Keliai nubėga į Šiaurę. 7. Susitikimai su chantais // Vakarinės naujienos. 1986. 1 kovo. S. 2.
- Urbonas A., Vėlyvis J. Vakarų Sibiro reportažai. Laukia cheminis karas taikos sąlygomis? // Vakarinės naujienos. 1987. № 188. S. 2.

- Аганов М.Г., Ключева В.П.* «Север зовет!»: опыт историко-антропологического анализа мотива «Северное притяжение» // Сибирские исторические исследования. 2018. № 4. С. 6–24.
- Гаврилова Н.Ю.* Развитие торговли в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980-е) // Иркут. ист.-экон. ежегодник. Иркутск, 2015. С. 200–205.
- Гареева Н.* Растет и хорошеет Когалым // К победе коммунизма. 1985. 7 сент. С. 3.
- Дорога к нефтяным кладовым. Рекламный проспект на русском и литовском языках. Вильнюс: Б. и., 1985. 48 с.
- Ефремов И.А.* Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // Регионоведение. 2016. №4 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-migratsionnye-protsessy-na-kraupnem-severe-rossii> (дата обращения: 18.04.2019).
- Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль, 1940-1953. М.: РОССПЭН, 2008. 350 с.
- Каган Я.М.* Города нефтяников // Нефть в СССР. 1917–1987. М.: Недра, 1987. С. 338–354.
- Ключева В.П.* Тюменский Север как выбор: режимы оправдания «новых северян» // Сибирь: контексты настоящего. Иркутск: Б. и., 2016. С. 197–209.
- Когалым – транзит: невыдуманные истории. М.: Б. и., 2011. 356 с.
- Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.
- Петрушин А.А.* Пароль «Когалым». Тюмень: ОЛИМА-ПРЕСС, 2015. 224 с.
- Роменский А., Чернышев Ю.* Так рождаются города. 3. Аисты не улетают // Тюменская правда. 1985. №. 232. С. 6.
- Стась И.Н.* Дрейф этничности в процессе нефтегазового освоения и урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960–1980-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 134–140.
- Стась И.Н.* От поселков к городам и обратно: История градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 90-х гг.). Сургут: Дефис, 2016. 258 с.
- Туманов В.* Сибирский клад // Советская Литва. 1981. № 181. С. 4.
- Фистик З.А.* Мой Когалым – мой дом, моя судьба // Архивы Югры. 2006. № 5. С. 92.
- Чепайтене Р.* Восприятие советской эпохи в современной Литве // Прошлый век.: Сб. науч. тр. / гл. ред. А.И. Миллер. М.: ИНИОН РАН, 2013. Вып. 1. С. 241–276.
- Чепайтене Р.* Стратегии и проблемы охраны наследия тоталитарных режимов // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 2 (33). С. 14–27.

*Дата поступления рукописи в редакцию 10.06.2019*

## **“LITTLE LITHUANIA” IN THE MIDLE OF THE LARGE TYUMEN SWAMPS: REPRESENTATIONS, MEMORY, HERITAGE**

***V. P. Kliueva***

Institute of the problems of Northern development, Tyumen Scientific Centre, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Malygin str., 86, 625026, Tyumen, Russia  
vormpk@gmail.com

***R. Čepaitienė***

Lithuanian Institute of History, Kražių 5, 01108, Vilnius, Lithuania  
geokdepe@gmail.com

For much of the Baltic population, Siberia is primarily associated with tragic historic experiences, such as the exile of participants in the anti-tsarist uprisings of 1831 and 1863–1864, and the Stalinist deportations. More positive images of this part of Russia are left on the sidelines of historic consciousness, or are lacking altogether. In this way, there is no room for a more neutral analysis of the processes underway in the post-Stalinist period in narratives where “struggle and suffering” motives dominate, not to mention any considerations of the experience of cooperation, mutual assistance and basic human friendliness. Labour migration in the Soviet period remains rather overlooked even in the latest historiography coming from the Baltic countries, and in contemporary Russian offerings. If in the latter the theme of Siberian urbanization determined by oil and natural gas extraction had been rather thoroughly examined, then the ethnic aspect of this process still remains a *tabula rasa* to researchers. Taking this into account, the *aim of our research* is to try to reconstruct the historic events related to representatives from the Baltic republics, mostly

Lithuanians, specifically, their participation in creating the West Siberian oil-natural gas complex and constructing Kogalym city in the 1980s and 1990s. The paper is based on various written and visual, archival and published material, mostly related to the Baltic-built labourers' settlements built near the city of Kogalym, in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (Yugra), urban and social history, and on the activities of two Lithuanian companies – No. 12 of the Road Construction Board (Lith: KSV-12, Russ: ДСВ-12), which was especially founded under the Car and Road Transport Ministry to extend the road infrastructure in West Siberia, and Construction Installation Platform no. 1 (Lith: SMA-1, Russ: СМII-1) of the Kaunas Residential Construction Manufacturer. The Baltic workers who participated in creating the Tyumen oil and natural gas extraction complex sought to reconstruct unique “models” of their faraway homelands within their board territories, which the locals most likely felt as “different” and “European”. Lithuanian specialists in Siberia successfully created an autonomous oasis of Lithuanian life and activity, which they not only nurtured but also tried to pass on (through common work and life, by maintaining regular contact with Lithuania, raising their children at their own kindergarten and primary school, marking traditional celebrations, etc.). For other residents of Kogalym, the “Balts” looked “different”, not like the rest of the people. Ultimately, it was a specific experience of living in the North that formed the collective “Siberian” identity among the Balts, which remained even once they had returned to their homelands.

*Key words:* Labor migration, communicative and cultural memory, urban studies, Lithuania, Tyumen North.

### References

- Agapov, M.G. & V.P. Klyueva (2018), ““The North is calling!”: the “Northern attraction” motive in the history of Russian arctic development”, *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. № 4, pp.6-24.
- Assmann, J. (1992), *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, Munich, Deutschland, pp. 20-21.
- Assmann, J. (2008), “Communicative and Cultural Memory”, in Erll A. & Nünning A. (eds), *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*, Berlin, New York, USA, pp. 109-118.
- Astrauskas, G. (1983), “Kogalym sketch. A short geo-ethnological introduction“, *Šluota*, № 21, p. 7.
- Barbaravičius, M. (1981), “On a shock-work construction of Siberia”, *Lenino vėliava*, № 146, p. 4.
- Barbaravičius, M. (1981), “Taiga retreats”, *Lenino vėliava*, № 143, p. 7.
- Blėda, S. (1986), “A report from Western Siberia. M. Melnikaite Street”, *Tiesa*, № 93, p. 2.
- Bučas, J. (1993), “Inheritance or heritage?”, *Naujasis dienovidis*, № 17, p. 6-7.
- Chepaitene, R. (2013), “Perception of the Soviet era in modern Lithuania”, in Miller A.I. (ed.), *Proshlyy vek* [The past age], INION RAN, Moscow, Russia, vol. 1, pp. 241-276.
- Chepaitene, R. (2016), “Strategies and problems of safeguarding the heritage of totalitarian regimes”, *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*, 2016, № 2 (33), pp. 14-27.
- Doroga k neftyanym kladovym* [The road to the oil storage] (1985), Eksperimentalnoe khudozhestvenno-konstruktorskoe byuro, Vilnius, USSR, 48 p.
- Drėmaitė, M. (2017), *Baltic Modernism. Architecture and Housing in Soviet Lithuania*, Lapas, Vilnius, Lithuania, 319 p.
- Efremov, I.A. (2016), “Modern migration processes in the Russian Far North”, *Regionologiya*, № 4 (97), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-migratsionnye-protsessy-na-kraynem-severe-rossii> (accessed: 18.04.2019)
- Fistik, Z.A. (2006), “My Kogalym is my home, my destiny”, *Arkhivy Yugry*, № 5 p. 92.
- Gareeva, N. (1985), “Kogalym is growing and becoming more beautiful”, *K pobede kommunizma*, September 7, p. 3.
- Gavrilova, N.Yu. (2015), “Development of trade in petroleum producing regions of Western Siberia (1960-1980s)”, in *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook], Irkutsk, Russia, pp. 200-205.
- Harrison, R. (2012) *Heritage. The Critical approaches*, Routledge, London, 288 p.
- Jankauskas, R. & V. Žemaitis (1987), “People and Earth's interior”, *Tiesa*, № 5, p. 2.
- Jankauskas, R. & V. Žemaitis (1987), “Siberian reports. Houses in the taiga”, *Tiesa*, № 7, p. 2.
- Janonytė-Jankauskienė, G. (2001), *Kelias* [Roads], Dobilas, Jonava, Lithuania, 195 p.
- Juodytė, G. (1985), “Lithuanian school in the Siberia”, *Tarybinė Klaipėda*, January 10, p. 4.
- Juodytė, G. (1985), “Tyumen Meridian. 11. Meetings with hunts”, *Tarybinė Klaipėda*, № 10, p. 2.
- Juodytė, G. (1985), “Tyumen Meridian. 3. The person is verified at work”, *Tarybinė Klaipėda*, № 2, p. 2.
- Juodytė, G. (1985), “Tyumen Meridian. 9. Lithuanian school in Siberia”, *Tarybinė Klaipėda*, № 8, p. 2.
- Kagan, Ya.M. (1987), “Cities of Oilmen”, in *Neft' v SSSR. 1917-1987* [Oil in the USSR. 1917-1987], Nedra, Moscow, Russia, 338-354 p.
- Kazlauskaitė, G. (1980), “The hard romance of the North”, *Vakarinės naujienos*, №. 222, p. 4.
- Kazlauskaitė, G. (1982), “Siberian reports. 3. Two meetings”, *Vakarinės naujienos*, №. 87, p. 5.
- Klyueva, V.P. (2016), “Tyumen North as a choice: modes of justification of «new northerners»”, in *Sibir': konteksty nastoyashchego* [Siberia: contexts of the present], Irkutsk, Russia, pp. 197-209.

- Kogalym – tranzit: nevydumannye istorii* [Kogalym - transit: nonfictional stories] (2011), Moscow, Russia, 356 p.
- Kudarauskaitė, M. (1985), “The road alignment through taiga”, *Tiesa*, № 182, p. 2.
- Leniaud J.-M. (1992), *L’Utopie française. Essai sur le patrimoine* [French utopia. Essay on heritage], Menges, Paris, France, 180 p.
- Malašauskas, J. (1985), “The road on the tundra”, *Tarybinė Klaipėda*, 1985, October 5, p. 3.
- Palionis, A. (1985), “Lithuanian builders in Western Siberia”, *Tiesa*, October 2, p. 1.
- Petrushin, A.A. (2015) *Parol’ “Kogalym”* [Password “Kogalym”], OLMAPRESS, Tyumen, Russia, 224 p.
- Romenskii, A., Chernyshev, Yu. (1985), “That is how cities are born. 3. Storks don't fly away”, *Tjumenskaya pravda*, № 232, p. 6.
- Stas', I.N. (2016), *Ot poselkov k gorodam i obratno: Istorija gradostroitel'noi politiki v Khanty-Mansiiskom okruge (1960-e – nachalo 90-kh gg.)* [From villages to cities and back: the history of urban policy in the Khanty-Mansiysk district (1960 – early 90s)], Defis, Surgut, Russia, 258 p.
- Stas', I.N. (2017), “Ethnic drift in the process of oil and gas development and urbanization of the Khanty-Mansiysk district (1960-1980s)”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 414, pp. 134–140.
- Stravinskienė, V. (2017), « The people of Lithuania in the organized labour migrations in the USSR: the 60-90s of XX century », *Genocidas ir rezistencija*, № 42, pp. 73-75.
- Szejnberg, M. (1985), “From Tyumen Notebook. 1. Way of Kogalym to the future”, *Czervony sztandar*, August 31, p. 3.
- Szejnberg, M. (1985), “From Tyumen Notebook. 2. 124 kilometers of Lithuanian road”, *Czervony sztandar*, September 1, p. 3.
- Tininis, V. (2017), *In the shadow of his predecessor. Biographical sketch of the head of the Soviet Lithuania Petras Griskevicius*, LGGRTC, Vilnius, Lithuania, 241 p.
- Tumanov, V. (1981), “Siberian treasure”, *Sovetskaya Litva*, № 181, p. 4.
- Urbonas, A. (1986), “Roads goes to the North. 7. Meetings with hunts”, *Vakarinės naujienos*, March 1, p. 2.
- Urbonas, A. & J. Vėlyvis (1987), “Reports from Western Siberia. Is a chemical war expected in a peaceful environment?”, *Vakarinės naujienos*, № 188, p. 2.
- Zubkova, E. (2008), *Pribaltika i Kreml, 1940-1953* [The Baltic States and Kremlin, 1940-1953], ROSSPEN, Moscow, Russia, 350 p.